

ПРО БАБУ

Баба давится вечером углеводами.
Что ли платью, думает, мне подшить.
И крадется дальними огородами.
Баба идет грешить.

А наутро шатко обратно тащится,
Зацелована, выпита и страшна.
И сжигает порванное платьице,
И стенает: «Боже! Грешна!»

Этот визг долетает до дальний пристани,
Где стоят моряцкие кабаки.
Где под водку втирают простые истины
И не плавают за буйки.

Там дрожит стопарик в руке сигнальщика,
в огород приходившего на постой.
Он глотает, закусывает одуванчиком.
Называет бабу святой.

ПРАЗДНИК

маяк рассвета виден в окно с кровати
вдоль горизонта тянутся гаражи
когда ты держал тело мое в объятьях
оно на секунду стало почти живым

пока мы спали, город сходил за водкой
стоят у дома, веткой не шелохнут
но ты меня обнимал до утра и вот как
так получилось, что я задержалась тут

мое дыханье в губы твои дрожало
твое дыханье в губы мои дрожит
меня убили в мае за гаражами
цвела сирень и очень хотелось жить

* * *

Наташе

Ходила возле дачного участка
спасала заблудившихся лягушек
взрослела хуже, становилась лучше
пила на трубах спирт за чье-то счастье

сдала экзамен, получила двойку
сдала экзамен, получив «отлично»
впитала новый говор как привычный
хребет истерся под любые койки

холодной выходила из горнила
блестящей не спаслась из револьвера
отчаянно живое хоронила
и хоронила мертвое не веря

ее вплетали в страшные легенды
примкнула к банде блудных рэкетиров
чужих мужей снимала как квартиры
и вовремя платила за аренду

под парусом ходила за портвейном
придумывала верные поверья
сдавала план борьбы еженедельно
летала в космос, возвратясь с похмельем

открыла десять тайн и пять издательств
но вдруг застыла словно часовая
«я существую видишь я живая
каких еще ты просишь доказательств»

Пифия

у церкви мальчик белобрысый
стоит — смешной и босоногий
из города уходят крысы
и это повод для тревоги

из темноты звучит не шум, но
оркестра отходного ноты
пока трамвай плывет бесшумно
слегка звеня на поворотах

по кладбищу гуляют пары
и кормят с рук морскую птицу
весна спустилась на бульвары
как паутина на гробницы

многоэтажек окна-соты
каркасы гнезд, растущих прочно
и голос твой «Родная, что ты?» —
тревожно спрашивает ночью

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Я помню — мы лежали на полу
икона скрылась в сумрачном углу
и не было ни Рая и ни Ада
и я твердила: «Бабушка, не надо,
постой, не умирай!»
И это был — январь.

Я помню — он ни слова не сказал
все бросил и уехал на вокзал
и я кричала как кричит солома
на крыше догорающего дома
как тонущий корабль
И это был — сентябрь.

Я помню — ты гуляла на Тверском
в чужом пальто невнятно щегольском
и не было ни боли, ни утраты
и город лил свой свет зеленоватый

на голову твою
И это был — июнь.

Я помню — все смотрели в облака
и я была любима и легка
и женщина с мужчиной обнимались
и я им из коляски улыбалась
как в небе акварель
И это был — апрель.

Девять

Даниле Давыдову

А когда мы с тобой все-таки ссоримся,
Я как-то сразу понимаю,
Что девять лет разницы —
Это огромная пропасть.
И она в одну секунду разверзается
Прямо у меня под ногами,
И в нее летит все,
Что было нам дорого
И не очень уж дорого,
Но было,
Было нашим.
«У нас совсем разные интересы!» —
Кричу я в унисон с ширящейся бездной.
«У нас разнонаправленные векторы!» —
Ору я в такт шатающейся под ногами почве.
«Когда мне было пять,
Тебе было уже четырнадцать!
Ты уже читал под партой “Эммануэль”!
Ты уже смотрел “Девять с половиной недель”!
Ты уже покупал кроссовки у фарцовщиков!»
В воронку бездны летят злые,
Неумолимые мои слова.
Вот уже в жерло пропасти мчится
Главный мой аргумент:
«Ты ведь даже не помнишь,
кто пел песню “Люси”
В девяносто первом!
Потому что тебе
уже было четырнадцать,
И у тебя наблюдались совсем,
Совсем
Другие интересы!»
Потом ты хватаешь мои плечи
Своими пальцами,
Которые девять лет
Смели жить
Без меня.
И говоришь голосом,

Звучавшим в этом мире
Все те долгие девять лет,
Пока это глупое пространство
Позволило себе существовать
Без меня.
Ты говоришь: «Прости.
Прости, что я
Мог дышать девять лет.
Девять лет мог ходить
Без тебя».
Бездна издает удивленный чавкающий звук
И мгновенно схлопывается.
...А потом, когда мы лежим, обнявшись,
И моя голова — на твоей груди,
В тишине произносишь:
«Газманов».
И еще, помолчав:
«Родион».
И тогда засыпаю спокойно.

* * *

Когда ты, будучи пьян,
Кричишь на меня,
Что никому не нужен,
Что все над тобою смеются,
И что-то там про боль, —
Так вот, если в этот момент
подвести меня к зеркалу,
То можно заметить,
Что мои глаза
Удивительно похожи
На глаза плюшевых зверей,
Оставленных на могилах.
Эти звери призваны
Поддерживать и ободрять
Детей
На пути к миру смерти.
Но ведь они никого никогда
Не просили об этом.
Не выбирали
Такой судьбы.

* * *

Льву Колбачеву

На речном стекле теплый матовый просвет я
Растопила своими губами, весенним ртом
Белой раной в полночь светится полынья
Но она затянется утренним льдом-бинтом

Ты старался в легких хранить теплый пар пока
Эту зимнюю воду телом не осознал
Но уже застывает в жилах Москва-река
Но уже проступает льдом Обводной канал

Накрывает крошечным снегом волна волну
Обрастают хрустальным илом речные сны
Я стою и всматриваюсь в глубину
Ты стоишь и смотришь из глубины.

* * *

Антону Веселовскому

Сколько воды слышно
вам еще
нам еще
всяк ее пивший
на кладбище
кладбище

Дождь не кончается
падает
падает
мы убеждаемся
ада нет
ада нет

Не унывай
твоя чаша наполнится
будет нам рай
будет звонница
звонница

верь мне я старица
с космами рыжими
что с нами станется
выживем
выживем